

мыслителей, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ полной тождественности этого основного положенія ихъ.

То, что Шопенгауеръ ¹⁾ называетъ „волей“, есть, по его объясненію, внутренняя сила, все одушевляющая, вѣсь движущая, всему дающая жизнь, движеніе, стремительность, а человѣку—чувство и страсть. Словомъ, она есть источникъ всякой „энергіи“, во всякомъ случаѣ, „жизненной“, потому что, по объясненію Шопенгауера, сказать „воля“—значитъ сказать „воля къ жизни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ „воля“ совершенно безсознательна; это—слѣпая, безразсудная, стихійная сила. Совершенно тѣ же свойства приписываетъ Гартманъ своему „безсознательному“. И оба они считаютъ сознаніе той силой, которой суждено въ корень разрушить живую энергію безсознательной „воли“.

Чтобы не оставаться безъ свѣта въ фантастической сферѣ туманныхъ понятій и неясныхъ терминовъ, необходимо замѣтить, что въ примѣненіи къ человѣку „воля“ означаетъ у Шопенгауера непосредственное побужденіе, не зависящее ни отъ какой работы сознанія. И Шопенгауеръ, будучи убѣжденъ, что жизненную силу и значеніе въ жизни можетъ имѣть только что бы то ни было непосредственное, утверждаетъ, что чѣмъ выше стоитъ существо на лѣстницѣ развитія, тѣмъ больше въ немъ сознанія и, именно вслѣдствіе этого, тѣмъ меньше непосредственности.

Въ наиболѣе чистомъ и, такъ сказать, наименѣ тронутомъ своемъ видѣ „воля“ проявляется у животныхъ и человѣка въ видѣ инстинктовъ. И Шопенгауеръ, и Гартманъ съ восхищеніемъ указываютъ на дѣйствительно чудесныя проявленія инстинкта, — больше всего, разумѣется, у животныхъ. Подъ вліяніемъ инстинкта, животные, безъ какого бы то ни было сознательнаго разчета, совершаютъ самыя сложныя дѣйствія, съ такимъ искусствомъ и въ то же время съ такой увѣренностью, съ такимъ спокойствіемъ, которымъ можетъ позавидовать самая высоко-развитая сознательная дѣятельность. Разсматривая инстинктивныя побужденія, подъ дѣйствіемъ которыхъ животные выбираютъ себѣ пищу, умѣютъ избѣгать ядовитыхъ веществъ, находятъ себѣ лечебныя средства, организуютъ семью, строятъ жилища, ухаживаютъ за дѣтенышами и т. д., мы ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ ни колебанія, ни неувѣренности, ни внутренняго несогласія съ самимъ собой, — такъ часто примѣняющихся къ сознательнымъ побужденіямъ. Такъ вотъ эта же самая внутренняя сила, чудесныя свойства которой обнаруживаются въ инстинктѣ, по ученію Шопенгауера,

¹⁾ Welt, I, Zweites Buch; II, Ergänzungen zum zweiten Buch.